

Нэман Н. 2005: Исторический подход к книге Царей в свете царских надписей IX в. до н.э. // ВЕУ. 10, 227–256.

Финкельштейн И., Зильберман Н. 2004: Археология в начале третьего тысячелетия: в поиске взвешенной позиции // ВЕУ. 9, 287–312.

Golb N. 1996: Who Wrote the Dead Sea Scrolls? The Search for the Secret of Qumran. N.Y.

Judah and the Judeans 2003: Judah and the Judeans in the Neo-Babylonian Period. Pt 1. The Myth of the Empty Land Revisited / O. Lipschits, J. Blenkinsopp (eds.). Winona Lake.

Netzer E. 2003: The Synagogue of the Second Temple Period on the Basis of the Archaeological and Literary Evidence // Ve-Zot le-Yehudah. Studies in the History of Eretz Israel presented to Yehuda Ben Porat / Y. Ben Arie, E. Reiner (eds). Jerusalem, 193–219.

Netzer E., Kalman Y., Laureys R. 2000: A Synagogue from the Hasmonean Period Recently Exposed in the Western Plain of Jericho // IEJ. 49, 203–259.

Н.Н. Май,
Свободный университет Берлина

© 2011 г.

Тайна золотой маски. Каталог выставки [Санкт-Петербург, 21 апреля – 3 сентября 2009 г.] / Науч. ред. А.М. Бутягин. СПб.: Изд-во Государственно-го Эрмитажа, 2009. 203 с., ил.

Прекрасно изданный каталог выставки в Государственном Эрмитаже, посвященной знаменитому погребению с золотой маской из Керчи, производит сильное впечатление. Открытие этих сокровищ наделало в России много шума задолго до того, как в 1892 г. о нем упомянул С. Рейнак в «Древностях Боспора Киммерийского»¹. Уникальный погребальный комплекс, происходящий из некрополя античного Пантикапея на Глинище, где на протяжении XIX в. было обнаружено немало богатых захоронений, хранится в собрании петербургского музея. Поэтому нельзя не приветствовать это начинание, объединившее научные труды специалистов, преимущественно работающих в музее. В издании, включающем каталог фотографий, выполненных Ю.А. Молодковцем, а также шесть исследований, о содержании которых речь пойдет ниже, впервые представлены в полном объеме археологические находки, относящиеся к захоронению.

Во вступительной статье, осторожно озаглавленной «Вокруг маски» (с. 7–16), А.М. Бутягин представляет статьи, составившие книгу, а также намечает некоторые перспективы исследования. Ведь труд, научным редактором которого выступил Бутягин, представляет собой не просто каталог, а сборник статей, скорее напоминающий монографию. Разнообразие точек зрения на данный археологический комплекс – авторы не боятся высказывать различие во взглядах – оказывается вместе с тем и слабым местом издания, которое явным образом разрывается между «педагогической» задачей, необходимостью быть доступным для широкой публики и подчеркиванием реальной сложности предмета. Бутягин принимает вызов, идет на это противоречие, полагаясь на проницательность читателя, однако рискует повредить тем самым четкости редакционной стратегии книги.

Открытие знаменитого погребения с золотой маской произошло накануне проезда через Керчь царя Николая I. В 1837 г. местная археология скорее напоминала охоту за сокровищами, в которой соревновались Д.В. Карейша и А.Б. Ашик. Девятиметровый курган, расположенный на Глинище, принес удачу Ашику: именно он открыл там саркофаг и его сокровища. Если приезд царя и мог побудить Ашика «дополнить» сокровища могилы с золотой маской предметами, найденными в других погребальных комплексах, нет никаких доказательств того, что он приказал изготовить саму маску или что-либо еще. Неоднородный характер погребального инвентаря вкупе с неточностью рапорта Ашика позволяет Бутягину высказать гипотезу о том, что вместе оказались собраны вещи из нескольких могил и к предметам, сопровождавшим умершую женщину, были присоединены элементы мужского захоронения.

¹ Reinach 1892, 70.

В главе «Погребение с золотой маской» (с. 17–52) с удовольствием читаешь рассказ О.В. Шарова о приезде царя в «русскую Помпею». Сокровища, открытые во время раскопок кургана Куль-Оба в 1830 г., вызвали повальное увлечение древностями юга России и стали основой эрмитажного собрания древностей Боспора Киммерийского, а вскоре открылся музей в Керчи и на раскопки древнего Пантикапея были выделены значительные суммы денег. Изученные Шаровым архивные документы дают множество живописных деталей, свидетельствующих об умонастроениях «искателей сокровищ» за несколько месяцев до прибытия императора. При этом слышны отголоски соперничества между Ашиком и Карейшей, отразившегося на страницах «Древностей Босфора Киммерийского»², где практически полностью приведены отрывки из рапорта Ашика.

В научных трудах XIX и начала XX в. воспроизводилось описание вещей из погребения, а также предположение о принадлежности захоронения некоей царице. Только Л. Стефани распознал в золотой маске мужские черты и предложил видеть в ней одного из Рескупоридов, в том же духе высказывались впоследствии Гайдукевич, Кропоткин и другие. Шаров приводит в связи с этим результаты первого антропологического исследования, выполненного на основе маски: она воспроизводит лицо мужчины высокого роста (170–175 см). Археолог делает отсюда три возможных предположения: либо погребение является парным, либо оно принадлежит женщине, носящей мужскую погребальную маску, либо умершего снабдили отчасти женскими вещами. Испытывая явное недоумение по поводу женских элементов погребального инвентаря, он скрывается за ссылкой на рапорт Ашика, который упоминает останки умершей, покрытые шерстяной материей, расшитой золотыми бляшками.

Блюдо из серебра с чеканенной надписью (с него начинается рассмотрение вещей из погребения), привлекло внимание специалистов, которые пытались разобраться как в его происхождении, так и в датировке. Монограмма ANTB, окруженная венком, сначала интерпретировалась как знак сирийской или македонской мастерской, пока М.И. Ростовцев не объявил это блюдо подарком Каракаллы Рескупориду II или III³, хотя применение чернения не позволяет отнести *terminus post quem* ко времени ранее конца III в. Далее Шаров обращается к исследованию нескольких предметов (золотые браслеты, инкрустированные гранатами, золотые флаконы и серьги, также украшенные гранатами, золотые бляшки, серебряная пиксида для драгоценностей, элементы сбруи, бронзовая ваза, серебряные ложки и т.д.) и получает хронологическую вилку, соответствующую второй половине III в. Богатство погребального инвентаря, включающего бронзовый жезл и элементы сбруи, помеченные тамгой правящей династии Тибериев Юлиев, может свидетельствовать о захоронении кого-то из членов царской семьи или их близких⁴.

Статья М.Ю. Трейстера «Посуда и предметы утвари из серебра и бронзы» (с. 43–62), в которой описывается совокупность металлических предметов, за исключением золотых, продолжает серию скрупулезно выполненных сравнительных заметок этого автора⁵. Первое место в каталоге Трейстера занимает ставшее эмблемой погребения с золотой маской серебряное блюдо с монограммой. Форма, вес и размеры предмета характерны для продукции начала IV в., еще несколько образцов подобных предметов были обнаружены в знаменитом Эскивлинском кладе. Надписи, выбитые на керченском блюде, сообщают нам о его точном весе, а также о том, что его взвешивали и второй раз. Эти данные, а также аналогии, проведенные с другими подобными блюдами, позволяют Трейстеру отнести изготовление предмета к концу III или началу IV в. и атрибутировать его царю Рескупориду VI (314–341). Ковш и кувшин из серебра имеют идентичный орнамент, что объединяет их в единый сервиз. Трейстер замечает, что тамга на ковше отличается от той, что фигурирует на золотой бляхе. Впрочем, большинство серебряных предметов с тамгой происходят из сарматских захоронений соседней Кубани, нижнего Дона и Волги. А у серебряного кувшина, типичного позднеантичного сосуда, находится параллель в керамике, обнаруженной в захоронении некрополя Тиритаки, где была найдена монета, отчеканенная при Рескупориде VI. Серебряная пиксида яйцевидной формы украшена эротами с пышными гирильдами и головами Медузы, одна из которых была грубо починена свинцом. Серебряное ситечко использовалось в рамках литургии, которая появляется в III в. Наконец, серебряные *ligula* и *cochlear* объединяются в пару, как и ложки из двух других погребальных комплексов, датируемых концом II в. На *cochlear* также имеется трудно читаемая надпись, которая позволяет предположить датировку между 202 и 303 (?) гг.

² Издание вышло в Санкт-Петербурге в 1854 г. на двух языках (французском и русском) под редакцией уроженца Женевы Ф. Жилия, в то время библиотекаря Николая I. Рейнак впоследствии переиздал его для франкоязычной публики.

³ Ростовцев 1923, 123.

⁴ Именно О.В. Шарову мы обязаны возобновлением интереса к этому погребальному комплексу: Sharov 2003, Шаров 2004, 2006; Shchukin, Kazanski, Sharov 2006.

⁵ См. Treister 2004.

Изделия из бронзы являют собой пестрый набор предметов: зеркало, колокольчик, часто встречающийся в *Barbaricum* первых веков нашей эры, металлический стержень, который Трейстер отказывается считать жезлом и точную функцию которого затрудняется определить, квадратные в сечении ножки мебели – одна украшена изображением Диониса с поднятой рукой, другая в форме львиной лапы, и обе напоминают предметы, которые можно датировать второй половиной II – первой половиной III в. н.э. Бронзовый котел типа *Hemmoog* появляется после 150 г. и часто встречается на протяжении всего III в.; с точки зрения автора, не следует исключать и более длительное его использование в Крыму. Имеется еще и большое блюдо с ручками в виде змей, которые напоминают ручки на таких же сосудах, найденных в Помпеях. Украшение ручек бронзовой посуды головами Медузы было широко распространено в последние века до нашей эры и первые века нашей эры. Трейстер относит это блюдо к концу I – началу II в. н.э. Также следует упомянуть кувшин с биконическим туловом, распространенный в сарматских захоронениях конца I – начала II в. н.э.

Выводы, к которым приходит исследователь, позволяют выделить две группы предметов, хронологически различающихся в зависимости от того, происходят ли они из саркофага или нет. Первая группа, датируемая II – началом III в., могла бы подтвердить наличие более раннего захоронения, разрушенного при последующем погребении в саркофаге, инвентарь которого Трейстер относит к середине III – началу IV в.

Золотые и серебряные изделия также свидетельствуют об эклектичном характере инвентаря из погребения с золотой маской. Тем не менее, как отмечает О.В. Горская в начале своей статьи «Сокровища загадочной могилы» (с. 63–75), они могут помочь в прояснении некоторых вопросов, а также подтвердить либо факт вмешательства обнаружившего могилу археолога, готового приукрасить найденные сокровища посторонними вещами ради того, чтобы добиться царских милостей, либо его невнимательность, которая заставила ученого принять два захоронения за одно. Затем следует систематический каталог золотых предметов из погребения; в нем нет только маски, которой должна быть посвящена отдельная глава (с. 64).

Венок из золота украшен листьями сельдерея, а в центре – четырехугольной чеканной пластиной: всадник поднимает ритон по направлению к алтарю. Этот тип венка, обычно имеющий индикацию монетными штемпелями, характерен для могил римского Пантикапея. В гробнице, открытой в 1841 г. Ашиком, а также в гробнице, найденной под курганом в 1910 г., были обнаружены золотые венки, идентичные нашему. Иконография чеканной пластины в общем сопоставима с сюжетом надгробия из Танаиса. Далее следует группа из трех колец. Одно, двойное, украшенное гранатами, было особенно популярно в эпоху Империи. Другое, из массивного золота, датируется III в. по аналогии с похожими экземплярами, хранящимися в Британском музее. Третье кольцо, с камеей, изображающей Эрота, О. Неверов относит к началу II в. Пара браслетов с ажурными мотивами выглядит как *unicum*, поскольку не находит почти никаких параллелей в римском мире. Тем не менее, замечает Горская, известно, что в римском ювелирном искусстве такой декоративный орнамент в форме «S» был популярен начиная со II в. Флакон для духов, покрытый 83 гранатами, не имеет аналогов и по своей форме и отделке. Подвески серег в форме амфорисков, украшенные гранатами, были в очень поврежденном состоянии, и их отреставрировали в 1956 г. В декоре подвесок сочетаются две разные техники фиксации драгоценных камней, что напоминает технику перегородчатой эмали, весьма распространенную на Кавказе и Ближнем Востоке с III в. н.э.

Перечень золотых предметов из погребения с золотой маской дополняют элементы конского убора на бронзовой основе, все еще сохраняющие остатки кожи. Они выполнены в полихромном стиле, который датируют второй третью III – началом IV в. Одежду умершего покрывали золотые бляшки общим числом 560. Это характерные элементы сарматских захоронений II и III вв. Тем же периодом можно датировать и фибулу, хотя и не целую. Наконец, предметы женского обихода – веретено и элементы пряслица – соседствуют с железным кинжалом с деревянной рукоятью. Хотя в комплексе присутствуют элементы, относящиеся, несомненно, к мужскому захоронению, рассматриваемый погребальный инвентарь содержит типичные атрибуты женских принадлежностей. Именно поэтому Горская делает вывод о существовании двух захоронений, одного – мужского, другого – женского, причем оба относятся к III в.

В статье Р.С. Минасяна и Е.А. Шаблавиной «Техника изготовления вещей из погребения Рескупорида» (с. 77–96) описываются способы производства и отделки некоторых предметов из погребальных находок; эта работа великолепно иллюстрирована и снабжена ценным словарем.

При внимательном исследовании внутренней поверхности золотой маски выявлены следыковки, сделанной на основе деревянной формы, покрытой тканью. С точностью восстановить черты лица и, более того, определить пол покойного по маске кажется предприятием рискованным, браться за которое авторы не советуют. Чеканная пластина диадемы была выполнена в той же технике, причем довольно грубо, что выдает ее погребальное предназначение. Неоднократные находки золотых вен-

ков в некрополях Пантикапея римской эпохи также являются знаками царского признания, отмечают Минаян и Шаблавина. Что касается бляшек, они не были отшлифованы и края у них острые – еще один признак изготовления *ad hoc*. Различные элементы сбруи были выполнены сходным образом: основа из серебра, внутренний слой из бронзы, а штампованная бляха из золота. Они крепились при помощи гвоздей на частично сохранившихся кожаных ремнях.

Черное блюдо из серебра представляет собой произведение очень талантливого мастера: орнаменты были выполнены весьма тщательно. На блюде можно выявить следы от циркуля, нанесенные на токарном станке. Шкатулка-пиксида также свидетельствует об использовании специфических приемов: эроты и другие декоративные элементы были выполнены чеканкой, ножка и ручки припаяны к предмету. Наконец, на большом блюде из бронзы с креплениями в форме голов Медузы, имеются следы истертой позолоты; это подтверждает длительность использования предмета до того, как он попал в инвентарь погребения.

Минаян и Шаблавина подчеркивают важность тщательного исследования археологических находок для идентификации различных техник, использовавшихся при их изготовлении. Этот аспект анализа зачастую имеет даже большее значение, чем простое сопоставление предметов по одним лишь морфологическим признакам.

Работа Я.В. Френкеля «Бусы из стекла и природных материалов Керченского “погребения с золотой маской” 1837 г.» (с. 97–115), несомненно, наиболее специальная в рассматриваемой в книге. В ней речь идет об одиннадцати бусинах, согласно рапорту Ашика, входивших в состав инвентаря саркофага. Семь из них сделаны из полихромной стеклянной пасты, четыре вырезаны из камня (халцедон и сердолик) или янтаря. Главу, затрагивающую проблему датировки этого материала, сопровождает иллюстрированный каталог, подробно описывающий характер каждой бусины. Первое исследование бусин, открытых в Северном Причерноморье, принадлежит перу Е.М. Алексеевой⁶. Однако выдвинутые ею положения в последнее время были подвергнуты сомнению и отчасти пересмотрены, причем некоторые ученые даже отказываются на них ссылаться. Френкель также критикует метод Алексеевой: он сожалеет о недостатке точности в типологическом распределении бусин на группы, однако признает первопроходческий характер работы московского археолога, предпочитая все же ссылаться на относительную хронологию, предложенную М. Щукиным и О. Шаровым⁷.

Группа из двух бусин из стеклянной пасты (З А и Б) выделяется своей древностью: их можно датировать эпохой эллинизма. Автор упоминает два других закрытых комплекса из римских некрополей Танаиса и Пантикапея, в которых также были найдены эллинистические бусины. Как полагает Френкель, столь долгое использование бусин скорее всего объяснялось тем, что им придавали магическое значение. Типологическое разделение бусин на группы позволяет отнести датировку ожерелья ко второй половине III в. – роль хронологического маркера может быть возложена на бусины, которые соответствуют наиболее поздним элементам инвентаря погребения с золотой маской.

Удивительно, однако, что в издании нет отдельного исследования самой золотой маски! Этот важнейший предмет вызывает огромное количество вопросов (в частности, они связаны с традицией погребальной маски в римском мире, с предполагаемым значением портрета на Боспоре Киммерийском, а также с возможным влиянием сарматской культуры), ответы на которые лишь намечены в приведенных исследованиях. Изучение надписей, а также тамг представляется не во всем удовлетворительным, они заслуживают, как нам кажется, более углубленного исследования. И если появление полного каталога предметов из захоронения радует, сожаление вызывает то, что он лишен прорисовок и библиографических справок, полезных в любом сравнительном исследовании. Приложение к каталогу – с погребальными масками древних культур Востока и Запада – хотя и не лишено интереса, кажется нам несколько второстепенным.

Литература

Алексеева Е.М. 1975, 1978, 1982: Античные бусы Северного Причерноморья. В 3-х т. (Археология СССР. Свод археологических источников. Г1–12). М.

Трейстер М.Ю. 2004: О датировке погребения с Золотой маской в Керчи // Боспорский феномен. 1, 247–258.

Шаров О.В. 2004: О серебряном блюде Рескупорида из погребения с Золотой маской // Боспорский феномен. 1, 259–267.

⁶ Алексеева 1975, 1978, 1982.

⁷ Shchukin, Kazanski, Sharov 2006, V.

- Шаров О.В.* 2006: Золотая Маска из Керчи // Древний мир. 1, 74–76.
- Reinach S.* 1892: Antiquités du Bosphore Cimmérien. P.
- Rostovceff M.I.* 1923: Une trouvaille de l'époque gréco-sarmate de Kertch au Louvre et au Musée de Saint-Germain // Monuments et Mémoires de la Fondation Eugène Piot. 26, 99–163.
- Sharov O.* 2003: Die Gräber des sarmatischen Hochadels am Bospor // C. von Carnap-Bornheim (ed.). Kontakt-Konflikt-Kooperation. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Marburg, 35–64.
- Shchukin M., Kazanski M., Sharov O.* 2006: Des Goths aux Huns: le nord de la mer Noire au Bas-Empire et à l'époque des Grandes Migrations. Oxf.

П. Бургундер,
научный сотрудник Института археологии и антиковедения (IASA),
университет Лозанны*

* За перевод с французского языка благодарю Д. Бибикову.

© 2011 г.

Greek History and Epigraphy. Essays in Honour of P.J. Rhodes / Ed. by L. Mitchell and L. Rubinstein. Swansea: The Classical Press of Wales, 2009. XXVIII, 301 p.

В рецензируемом издании опубликованы материалы Международной конференции «Эпиграфическая традиция» (The Epigraphic Habit), которая проходила в начале апреля 2005 г. на о-ве Родос (Греция). Конференция, организованная университетом г. Эксетер (Великобритания) и Британской Академией наук и проведенная под руководством Л. Митчелл и Л. Рубинштейн, была посвящена 65-летию известного британского антиковеда, профессора Даремского университета Питера Родса. Участниками конференции были авторитетные ученые из Великобритании, Германии, Греции, Дании, Ирландии, США и России. Помимо представленных на конференции докладов, о которых пойдет речь ниже, в этом издании приводится наиболее полный на данный момент список публикаций П. Родса (с. 275–282).

В центре внимания участников конференции, как показывает ее тема, – греческая эпиграфика, но не только она. Ряд докладов был посвящен древнегреческой истории. Открывает сборник исследование Л. Митчелл (Великобритания) «Правила игры: три очерка о дружбе, равенстве и политике» (с. 1–32). Понятие «дружба», считает автор, неразрывно связано с понятием «равенство», которое внутренне присуще полисной идеологии. Идеология равенства, свойственная полису, воздействовала и на дружеские отношения. Несмотря на то что представления о равенстве в дружбе имеют глубокие идейные корни, разные люди в разные эпохи вкладывали в них различное содержание. Анализ материала, относящегося к концу V–IV в. до н.э., приводит автора к выводу о том, что дружеская терминология маскировала политическое неравенство и особенно отношения патроната. Реально существовавшее неравенство в этом случае попросту обходилось молчанием. Господствовавшая идеология заставляла мыслителей IV в. до н.э. одними и теми же словами выражать различные политические идеи. В эллинистический период эгалитарное по своей природе понятие «дружба» позволяло маскировать существовавшее неравенство сторон и в межгосударственных контактах. Дружественной фразеологией маскировались иерархические по своей сути отношения между полисами и царскими дворами. Полисы пытались таким образом компенсировать существующее неравенство, вовлекая царские дворы в гражданские правоотношения. Последнее в некоторой степени усиливало их позиции во взаимоотношениях с монархиями.

Исследование германского антиковеда Б. Дрейера посвящено эллинистической эпохе и, в частности, истории Пергамского царства II в. до н.э. («Полисная элита и администрация Атталидского царства после Апамейского мира – свидетельства, исследования, методологические замечания», с. 33–46). В центре внимания исследователя Метрополис – небольшой малоазийский полис, политическое положение которого рассматривается в сравнении с другими полисами – Эфесом, Колофоном. Говоря о полисной элите, автор обращается к анализу политической карьеры наиболее значимых граждан Метрополиса до и после 133 г. до н.э. Он пытается проследить основные вехи в карьере некоего